

ЭЛЕМЕНТЫ ДЛЯ ЛИКВИДАЦИИ ХРИСТИАНСТВА

Ясность

В смутные времена требуется ясность. Поэтому мы говорим недвусмысленно и ясно: в европейском преобразовании христианство должно быть окончательно преодолено. Христианство, первоначальная подлинная катастрофа Европы, воздействует на народы как паралич воли и поругание интеллекта. Тот, кто принимает до такой степени абсурдное как христианство, позднее будет не в состоянии благоразумно отвергнуть что-то другое.

Никто не решился бы оправдываться здесь трусливым указанием на то, что вера, мол, свята, что она личное дело человека, или обусловлена традицией – и таким образом, выше всякой критики. Речь здесь идет не о вере или неверии, а о знании или незнании. В повседневной действительности, а именно так: отшлифованная привычка всегда не уяснять, что нечто является ошибочным, уже придает этому видимость правды. Благодаря людям, отказывающимся думать, христианство сначала не осознается в его абсурде и затем прославляется. И это именно в Германии, спустя более столетия после Ницше.

Абсурдность христианского откровения в самой идее

В почти каждой религии скрываются расходящиеся тенденции, которые редко проявляются в чистой форме. Тот, кто понимает религию как репертуар истин, утвержденный богом в книжной форме, достаточно рано попадет в конфликт с настоящим знанием. Иное дело, если религию представляют как форму сближения с наивысшей ценностью, состоянием или качеством, например, как сближение со святым. Религия делает различие между святым и мирским: если святое помещается в объекты вне человека, у нас есть священная, сакральная тенденция. Если святое помещается в самом человеке, например, как опыт божественного, религия становится мистикой. В зависимости от тенденции у нас есть книжная религия, сакральная религиозность и мистика.

Христианство, как иудаизм и ислам, это, по сути, книжная религия, и должно содержать, таким образом, первоначально совокупность истин различного типа: эмпирической, исторической, этической и умозрительной природы, что

непосредственно требует теологии для защиты. Книга декларируется как откровение бога, и таким образом, независимо от специфического содержания мнимого откровения, возникают неизбежные трудности.

Если бог хочет открыться человечеству, он, вероятно, не должен быть писателем и публиковать книгу только спустя продолжительное время. Он мог бы использовать ночное небо как экран и показывать на нем сцены в воскресенье или оповещать о своих указаниях. Или внезапно сдвинуть звезды так, чтобы они образовали буквы и предложения всемирного языка с важными истинами («Jesus is alive» – «Иисус жив»). Деятельность же бога в издательском деле должна казаться скорее сомнительной.

Но если уже книжное откровение: какие внутренние или внешние признаки могут подвигнуть благоразумного, доброжелательного субъекта, чтобы предоставить особое положение именно этой книге и поверить в это? Первый попавшийся может размахивать перед нами экземпляром Библии, Танаха или Корана – достаточно ли этого, чтобы требовать от нас веры? Откуда мы знаем, был ли автором книги лично бог или чёрт, или какой-либо мошенник? Богу стоило бы принять несколько мер для засвидетельствования, например, сделать так, чтобы все другие книги могли гореть, кроме его книги. Но это не так, библии не выдерживают испытания огнем.

В то время, когда еще была серьезная теология, эту проблему понимали очень хорошо. Для этого создали имя «*resolutio actus fidei*» и «*crux theologiae*». Теолог для оправдания религиозного содержания X аргументировал так:

Все, что открывает Бог, истинно.

X открыто Богом.

Значит, X – истинно.

Тем не менее, этот добросовестный силлогизм страдает от ненадежности предпосылок. Сначала теолог предполагает в главной посылке, что Бог существует, что он един, безошибочен, благосклонен и т.д. Такие философские приемы крайне сложно доказать. Должен ли верующий сначала стать метафизиком, чтобы смочь спокойно верить? Итак, главная посылка кажется крайне странной – но здесь мы не будем дальше в это углубляться.

Тогда следует посылка с претензией на то, что определенное высказывание X исходит от бога! Откуда это известно? Лучшее, что можно предложить, – это версия Библии, где встречается это обсуждаемое высказывание X. Фома Аквинский, пожалуй, видел эту проблему и пытался как-то выпутаться, ссылаясь на подтверждение чудом. Проблема заключается в том, что эти чудеса

происходят только в Библии. Это значит, чтобы верить в Библию из-за чудес, нужно сначала уже верить в саму Библию. Простая проверка огнем убедила бы каждого, но это циркулярное приведение доказательств, естественно, уже считается неуклюжей попыткой захватить врасплох.

При более близком рассмотрении ситуация выглядит еще хуже. Так называемое откровение – это, как правило, рассказ о людях, у которых было якобы откровение. Итак, откровение приходит в двух экземплярах: из первых рук для немногих, которые имели возможность общаться с богом с глазу на глаз; и из вторых рук для всех других, которые просто должны верить рассказам об этом. Рассказ о чудесах и откровениях – это ни чудо, ни откровение. Это, как если бы мы в случае с откровениями бога имеем дело с волнением перед выступлением, который хочет спрятаться от большой публики.

Рационально мы вперед не продвинемся; давно теологи подняли белый флаг. Уже очень давно была попытка сделать добродетель из нужды. Ее можно найти у Тертуллиана, который учил: «Credo, quia absurdum est» (Верую, ибо абсурдно). Более или менее это похоже на выход, который Кьеркегор предложил в девятнадцатом веке: принятие христианства должно быть ценно как раз посредством того, что оно против всякого разума. Ницше комментировал относительно Тертуллиана: если некоторые достигли уже покорности, чтобы произнести «credo, quia absurdum est»; то, к сожалению, у них отсутствовал еще последний шаг скромности, чтобы сказать: «credo, quia absurdus sum» (верую, ибо я абсурден).

Итак, книжное откровение, по одному своему понятию, оказывается бессмысленным. Нельзя считать правдивым, чтобы бог сообщал о себе таким образом. И если кто-то возразит нам: «Кто вы такие, чтобы требовать объяснения от бога?», на это есть короткий ответ: Мы требуем объяснения не от бога, а лишь от людей, которые проповедуют религию и, вероятно, при этом сами считают себя богами.

Абсурдность христианского откровения по содержанию

Дело с христианством обстоит еще хуже, если проверить это откровение на содержание. Здесь немецкая критика Библии достигла великолепных результатов; она обладала тем, что Ницше называл «мужеством к запрещенному». В Новом завете внимательный читатель обнаруживает массу противоречий, несовпадений, извращенностей или несовместимостей между текстом и теологией. Кое-что знали уже языческие философы, которые первыми вступили в контакт с христианством, а также гностики и манихеи: Цельс, Порфирий, император Юлиан, Маркион Синопский, Апеллий, Фауст Милевский. К сожалению, отцы церкви считали недостаточным опровергать ее противников, а

рекомендовали уничтожить их произведения. Все-таки критика Библии поздней античности показывает, что она – как благоразумное отклонение христианства – не зависит от просвещения. Я хочу упомянуть здесь только несколько примеров библейского абсурда, которые каждый может проверить сам и которые также бросают свет на теологию.

Первая глава Евангелия от Матфея содержит генеалогию от Авраама до Иисуса, которая состояла якобы – как утверждает автор – из трех рядов по четырнадцать колен. Но как заметил уже Порфирий, у последнего ряда есть только двенадцать колен (или тринадцать, если причислять Иисуса). Как такое возможно? Ошибся ли святой дух уже в самом начале при подсчете?

Это было небрежно, но не так уж плохо, вероятно. Зато сравнение между 1-й главой от Матфея и третьей от Луки показывает куда более удивительные вещи. И не только то, что обе генеалогии Иисуса отличаются именами предков, но и то, что для Матфея между Давидом и Иосифом лежат 26 поколений, в то время как Лука насчитывает 41 (что дает в итоге отклонение примерно в 400 лет). Итак, так как $26 \neq 41$, минимум одно из обоих сообщений должно быть ошибочным. Тот, кто интересуется этим, может прочесть уничтожающие выводы у Давида Фридриха Штрауса в «Жизни Иисуса» (§§ 16-18). В дальнейшем смешно представлять генеалогию от Давида до Иосифа (еврейский мессианский бред) и потом беспечно сообщать нам, что Иосиф не принимал никакого участия в зачатии Иисуса (рождение от девственницы в духе мифов древних греков). Если Иосиф был только для видимости отцом Иисуса, тогда Иисус тоже только для видимости является потомком Давида.

Перейдем к следующему пункту, который часто остается незамеченным. Тот, кто читает начало Евангелия от Луки, с удивлением узнает, что автор вовсе не заявляет о каких-либо претензиях на божественное откровение. Он говорит просто и ясно, что он советовался с различными источниками и записал упорядоченное изложение для некоего Феофила. Действительно, с помощью филологических усилий было установлено, что авторы Евангелий от Матфея и Луки переписали большей частью у Марка и использовали еще следующий источник – назовем его «И». Это называют синоптическим вопросом. Такие плагиаторские методы вряд ли свидетельствуют в пользу божественного откровения. И это значит, что авторы евангелий даже не испытывали откровения.

Генеалогии, синоптическая проблема, абсурдности..., вероятно, все это слишком известно. Малоизвестно, что Евангелие Марка внезапно оканчивается в главе 16, стих 8. Стихи от 9 до 20 не появляются в самых надежных и старейших рукописях. Хеппи-энд был добавлен к тексту позже. В более-менее серьезных исследованиях Библии с этим соглашаются.

Также малоизвестно, какие неоднократные манипуляции проводились с текстом, чтобы удовлетворить потребности теологии. Швейцарец теолог Йоханнес Веттштайн обнаружил удивительные факты при перепроверке Александрийского кодекса четвертого века Веттштайн захотел узнать, где точно Новый завет говорит, что Иисус был также Богом. Сын Бога да, но Бог? Любимое место теологов находилось у Павла, первое послание Тимофею, 3:16. Но это оказалось несостоятельным.

Копировщики использовали сокращения для священного имени. Вместо того, чтобы писать Бог (Theo), они писали буквы Theta, Sigma и чертили над ними горизонтальную линию таким образом: ΘΣ. Линия значила практически: То, что стоит внизу, сокращение святого имени, от которого были написаны первая и последняя буква. Тогда не использовали ни строчных букв, ни придыханий, ни знаков препинания. Веттштайн проверил в Англии место греческого текста, где действительно можно было прочесть что-то в роде как «Иисус (...), Бог во плоти проявленный» и т. д., Однако, Веттштайн замечал, что тут что-то не так. Цвет чернил в линии выглядел другим, почерк отличался. После дальнейшей перепроверки он обнаружил на другой стороне листа прочерченную в том же месте короткую линию, просвечивающую через пергамент. Это меняло все дело!

Знаменитое место не говорило о боге и не содержало никакого святого имени, а просто буквы Omikron (с короткой линией с другой стороны) и Sigma, итак просто ΘΣ, мужской род относительного местоимения hos he ho, дословно >der/die/das< (он/она/оно). Текст звучит первоначально не: «Иисус (...), Бог во плоти проявленный», а: «Иисус (...), который во плоти проявлен» и т.д. Другие места из Деяний апостолов и из первого послания Иоанна показывали схожие или даже худшие проблемы. Результат ошеломлял. Разрабатывали теологию и при этом манипулировали священными текстами! Веттштайн после дальнейшего исследования был убежден, что все греческие рукописи подверглись фальсификации и были «подогнаны» к латинскому тексту.

Последний пример, который каждый легко может проверить: конец Евангелия от Иоанна (глава 21) рассказывает об особенном событии, о ловле рыбы сетью. По какой-то причине автор находит одну арифметическую деталь достойной упоминания и сообщает: Сеть была полна рыб, и их было 153.

Роберт Прайс узнал, что у Ямбликуса, в «Жизни Пифагора», описывается то же самое событие. И 153 – это так называемое число треугольника. Это – числа, которые производятся суммой цифр в нормальном порядке, как 3 (= 1+2) и 10 (= 1+2+3+4). Сумма от 1 до 17 равняется 153. Кроме того, 153 равно сумме факториалов 1! +2! +3! +4! +5! С античных времен эти числа

были особенно важны: все числа треугольника с 3 являются сложными. Можно ожидать, однако, что эти числа имели значение для пифагорейцев, но что должно было делать число 153 в евангелии?

Сегодня у нас нет оригиналов библии, а только копии с копий с копий... и мы не знаем, что при этом было пропущено или соединено, существовали ли вообще оригиналы или только соединения различных историй. Мы больше не владеем словом божьим. Однако, если бы Бог открыл бы свое слово в книге, он позаботился бы также о его сохранении.

Противоречия, фальсификации, текстовые манипуляции и плагиат. И это как основа и воздействие теологии! Фриц Маутнер начинает свою статью «Слово Божье» в философском словаре с лапидарного замечания: «Тяжело оставаться серьезным, если хотите исследовать понятие «слово Божье»».

Некоторые современники соглашались, что откровение несостоятельно уже в самом понятии. Многие согласились бы, что специфическое содержание христианского откровения бессмысленно – так же как сумасбродные теологические конструкции воплощения, триединства и так далее. Но, вероятно, при этом думают, что, да, христианство – это аллегория, которая открывает доступ массам к метафизической правде и поэтому должна была сохраняться.

В этом случае нужно было бы сначала точно знать, какая метафизическая правда имеется при этом в виду. Я не думаю, что мы здесь стоим перед метафизической правдой, но если это так, тогда стоит спросить себя, дает ли христианство для этого единственную или самую лучшую аллегория. Почему именно христианство, а не Бхагавадгита? Ситуация выглядит так, что христианство может быть аллегорией для слишком многого и поэтому не может быть оправдано от обвинения в неприличной произвольности.

Опустошительные последствия христианства

Не говорите, что написанное выше интересно только для теологов и философов, но несущественно для практики. Христианство, к сожалению, очень важно для политики. Христианство обещает спасение, а именно спасение индивидуальной души. Когда иезуиты хотели заниматься миссионерской деятельностью в Японии, они столкнулись с непреодолимыми трудностями. Рассказывают о Винценте Феррере, который хотел обратить в христианство одного самурая и обсуждал с ним спасение через христианство. «А что с моими предками?» – хотел узнать самурай. «Ах, это не так важно, они будут вечно гореть в аду, но сейчас речь идет о тебе». Само собой разумеется, это утверждение звучало для самурая преступно. Так несколько миссионеров стали мучениками. Для каждого здорового народа христианская проповедь

звучит невыносимо, так как она крайне индивидуалистична. Христианская вечная душа – это предвестник учения прав человека. Очевидно, христианство, в конечном счете, все же, важно для сохранения системы.

Иудаизм – это де-факто и де-юре национальная религия, где сам народ свят, так как все-таки это народ Бога. Ислам – это, по меньшей мере, де-факто национальная религия, которая обращается к арабским народам на арабском языке, но, тем не менее (по меньшей мере, для неарабских народов) выдвигает претензии на отмену национальности в вере. Напротив христианство ни де-юре, ни де-факто не является национальным. Еще хуже, это де-юре универсальная религия, как свидетельствует термин «katholon» на греческом языке, сохранившийся в слове «католицизм» – форма универсализма, которая несовместима с любым национализмом. Античность воспринимала христиан так же, как националисты воспринимают большевистский космополитизм. Удивительно, как подтвердился упрек Цельсия в адрес христиан, что они поднимаются против отечественных религий. Приблизительно так же выражался Леопольд фон Ранке, когда заявлял, что после распространения римской империи должна была последовать религия, лишенная корней. Император Юлиан был терпим по отношению к религиям, но при взгляде на христианство его охватывало чувство, словно он стоит перед великим духовным переселением народов, перед революционным интернационализмом.

Ницше утверждал, что мы с христианством вступаем в мир фикции с только воображаемыми причинами и воображаемыми действиями. Первородный грех: совершенно воображаемая причина, и первое спасение крещением: совершенно воображаемое действие. Поэтому проницательные националисты разглядели в христианстве бунт против законов природы: так же как эта жизнь не является истинной жизнью, твой народ не должен быть твоим истинным народом. Как настоящий христианин мог всерьез принимать биополитику?

В общем, подтвердилось следующее: христианство как откровение – издевательство, по содержанию – бессмысленное противоречие, и в жестком мире фактов – наивысшая опасность. Мы не знаем, выживет ли Европа, но если это случится, это будет Европа без христианства.

Источник: [Thule-Seminar](#), перевод с немецкого, май 2012 г.

[Велесова Слобода, 2012](#)